

Петр Хузангай (1907-1970)

Петр Петрович Хузангай родился 22 января 1907 года в с. Сиктерме Алькеевского района Республики Татарстан в семье крестьянина.

Окончил школу второй ступени, учился в Чувашском педагогическом техникуме и Восточном педагогическом институте в г. Казани. В 1957 году окончил Высшие литературные курсы при Союзе писателей СССР.

Работал секретарем редакции журнала «Сунтал», переводчиком и литературным консультантом, разъездным корреспондентом центральной чувашской газеты «Коммунар» (Москва).

Творческую работу П. Хузангай совмещал с большой общественной и государственной деятельностью. Он был депутатом Верховного Совета РСФСР, Верховного Совета Чувашской АССР. Работал председателем правления Союза писателей Чувашской АССР. Был членом правления Союза писателей РСФСР и СССР.

В годы Великой Отечественной войны в качестве рядового бойца и сотрудника дивизионных газет находился на фронте. Был тяжело ранен.

С именем Петра Хузангая связаны рост и расцвет современной чувашской поэзии. Он обогатил литературу многочисленными произведениями, наполненными глубокими раздумьями над прошлым, настоящим и будущим родного народа. Поэмы П. Хузангая «Тăван сĕршив» («Родина»), «Таня», роман в стихах «Аптраман тавраш» («Род Аптрамана») хорошо известны чувашским детям.

Перу Хузангая принадлежат переводы на чувашский язык многих произведений русских и зарубежных классиков (А. Пушкина, М. Лермонтова, М. Горького, В. Маяковского, В. Шекспира, Т. Шевченко и

др.). Им переведены произведения и чувашских поэтов на русский язык, в том числе К. Иванова и М. Сеспеля.

П. Хузангай известен и как автор литературно-критических работ, посвященных творчеству чувашских писателей.

Поэтический диапазон П. Хузангая весьма широк. В его творчестве значительное место занимают стихи о России, Украине, Белоруссии, Латвии, Грузии, Болгарии, Кубе, Чехословакии, Польше.

Гражданская и философская лирика поэта - яркий пример служения его родному народу.

За выдающиеся успехи в создании талантливых литературных произведений ему было присвоено почетное звание народного поэта Чувашии (1950).

Поэт скончался 4 марта 1970 года в Чебоксарах.

Песни Тилли

«Тилли, Тилли», - в округе все твердят,

А знают, кто такой Тилли, навряд.

Плясать да бить в ладоши - ай, люли! -

Не значит быть похожим на Тилли.

«Казань,- твердят,- Казань, а мы-де - глушь...»

Да, из Казани мой отец Кируш.

Купцом стать капитала не хватило,

Сидельцем в лавке - гордость не пустила.

«Майра, майра»,- твердят кругом с утра.

Да, мать моя красавица-майра.

Умыта молоком цеженным,

Спеленута холстом беленым,

В Казани первой, говорят, была.

* * *

Росли мы дружно, чтя свою родню,
Как пять рябинок на одном корню.

Из братьев самый меньший - я, Тилли.
Меня, благословив, так нарекли.

Рожден пригожим, стал я молодцом,
За то меня балуют мать с отцом.

Для стариков есть разум у меня,
Для девушек - глаза полны огня.

Весною я в сорочке родился,
Когда рассвет еще не занялся.

Звезда сверкала сквозь ночную муть,
Косяк гусей держал на север путь.

«Охотничек у вас, не кто иной»,-
Сказала повитуха надо мной.

Меня не стали к ласточкам носить,
Чтоб те меня учили говорить.

Пошел я скоро - месяцев с шести,
Заговорил с родными — с девяти.

Родился я под полною луной,

Когда петух горланил за стеной.

В роду на счастье рода я один
Рожден в сорочке - пятый, младший сын.

Сорочку эту высушила мать,
Чтоб можно было в коробе держать¹.
И там же песню спрятала свою,
Я песню отыскал и вам пою.

Кораллы или сердолики слов
Для вас я век нанизывать готов.

У ожерелья песен нет конца,
Счастливей всех иных удел певца.

* * *

Я просыпаюсь дома на заре,
Белей сурбана рядом мать стоит,
Поет петух горластый во дворе,
Отец в раздумье трубкою дымит.

Родные, грустно глядя на зарю,
Советуются меж собой,
Кого из сыновей отдать царю, -
Жаль всех, да что поделаешь с судьбой!

У старшего детишки - как отдашь?
Второго б, да сноха уж очень зла...
На среднем дом - «умен... кормилец наш...»

Четвертого б - «молодка понесла...»

Что делать нам? «Меньшого отдадим», -
Решил отец. И согласилась мать:
«Куда бы ни попал, он все ж - один,
Сам за себя сумеет постоять...»

Тут снова я накрылся с головой.
Чуть плакать не заставила беда.
Зачем петух горланил заревой?
Не просыпаться мне бы никогда!

* * *

Не развязать ли мне, ребята,
Такмак, в каком я песни спрятал?
Напев таков
У рекрутов,
Что тронул он Тилли-солдата.

Приклад тяжелый, штык твой острый...
Служить царю полжизни просто ль?
Чуваш терпел,
Хоть и кряхтел,
Вот борода и стала пестрой.

Мы в море веслами махали,
На горы голые влезали.
Высок Кавказ:
Слеза из глаз -
Так вечные снега сверкали.

В крутых горах, на ровных нивах
Душ сырых больше, чем счастливых.
Един лишь свет,
А судьбы - нет:
У этих блага, те - чуть живы.

Беда что ком, судьба что желоб.
Нрав у небесных сил тяжелый:
Хотят - сомнут,
Хотят - пошлют
Тому - орех, тем - горький желудь.

На час я развязал, ребята,
Такмак, в котором песни прятал.
Напев таков
У рекрутов,
Что тронул он Тилли-солдата.

* * *

Что разумеют, говоря «мегель»¹?
- Коль хочешь знать, сперва спроси, дружок.
У облаков, кудрявых, точно хмель,
Что ж дождиком не окропят лужок?
Не вышел срок.

«Мегель» - что это, объясни, родной.
- Спроси ты у гусей, чей путь далек,
Что ж над озерной светлою волной

Летят, не отдохнув хотя б часок?
Не вышел срок.

«Мегель» - что ж это все-таки, ответь.
У яблоньки спроси, какой в том прок,
Что до рассвета не украсит ветвь,
А будет в почке прятаться цветок?

«Мегель» - что ж это все же, как узнать?
- Спроси у скрипача, зачем смычок
На струны скрипки медлит опускать -
Стоит, уставясь взором в потолок?
Не вышел срок.

Но дождь из тучки хлынет на лужок,
Запелят гуси с гогом поток,
На яблоньке распустится цветок
И на струну опустится смычок,
Как выйдет срок.

* * *

Четыре дома - в них по милой,
Из них одна лишь - до могилы.

Какую на небе в скрижали
Со мною рядом записали?

Писали черным - на беду ли,
К веселью ль желтым там черкнули?

Иль красным? - это к полнокровью.
Или зеленым? - на здоровье...

Четыре крали на примете,
С какой запрешься в брачной клетке?

Кого любить, чтоб без обмана?
Чью голову покрыть сурбаном?

В тухлях с кораллом все четыре,
И нет их краше в целом мире.

С лесною земляникой спелой
Красою могут спорить смело.

Одну возьмешь - жаль остальных,
Взять всех - законов нет таких!

Одну покрыть бы покрывалом
Тем, что вторая вышивала.

А третья бы постель постлала,
Четвертая бы разувала...

* * *

Вдоль села иду я стежкой,
Вижу вдруг тухью в окне.
Синеглазая ладошкой
Из окошка машет мне.

Словно не заметив, ходу
Я прибавил, но смекнул,
Как снаружи снять щеколду,
И в калитку прошмыгнул.

Как зашел, пятиалтынный
В голенище опустил,
Снять сапог заставил чинно -
Над девчонкой пошутил.

Та монетку придержала,
Чтоб не дать ей зазвенеть,
И с улыбкою сказала: -
Ведь не свадебная клеть...

А сама сняла передник...
В двух шагах была беда.
Но, хотя душа не ледник,
Я опомнился тогда.

И ушел. Пускай иные
Скажут: «Парень бестолков».
Сватов ждут ее родные -
Уважаю стариков.

* * *

Отца с могучим львом сравню:
Растил меня под бородой,
Спознаться не давал с бедой,

Берег и от молвы худой.

А мать с орлицею сравню:
Как станет буря завывать,
Одним крылом спасала мать,
Другим меня ласкала мать.

Я брата с беркутом сравню:
Горой он за меня стоял,
Мне на ноги не наступал,
Поблажку младшему давал.

Ни с кем невестку не сравню:
Как люльки я покинул плен,
Так не сходил с ее колен,
Пошли ей счастье бог взамен.

Сестру я с лебедью сравню:
На свадьбе сам я гнал конька,
Трясаясь на крышке сундука...
Тилли зовут ее сына.

А брата младшего сравню
С чирком, юркнувшим в краснотал:
По посиделкам он шнырял,
О том, что слышал, не болтал.

Сестрицу младшую сравню
Я с куропаткою лесной:

Делилась лакомством со мной,
Звала и на девичник свой.

Себя я с ястребом сравню:
Я днем и ночью распевал,
На каждой свадьбе погулял,
Всех девок перецеловал.

* * *

Пред воротами поклон -
Принял я привета ковш.
Во дворе - другой поклон:
Выпил я согласья ковш.

У сеней опять поклон -
Уверенья взял я ковш.
Посреди избы поклон -
Поднял за судьбу я ковш.

Отдал всем большой поклон -
Круговой пригубил ковш.

Пред большим столом поклон -
Принял жениха я ковш.

В пляс пошел, потом - поклон,
Вот и завершенья ковш.

Вышитым платком махнул,
Выпил на дорогу ковш.

* * *

Немятым беленьким платком
Любимая была,
Невзятым в руки пояском
Любимая была,
Не знавшим дела пряслицем
Любимая была,
Никем не ношенным кольцом
Любимая была,
Из сердолика бусинкой,
Иголкой не пронзенною,
Любимая была,
Серьгой, в ушко не вдетою,
Любимая была,
Тухъею непримеренной
Любимая была,
Воротничком шелковым,
Ни разу не застегнутым,

Любимая была,
Смычка не знавшей скрипкою
Любимая была,
Непробованной дудочкой
Любимая была...
Стал черным мой платок,
Не мне достался поясок,
А пряслице распалось вдруг,
Колечко распаялось вдруг,
Жемчужинку я потерял,

Воротничочек лопнул мой,
Случилось то же и с тухъей,
Рассохлась скрипочка моя,
Сломалась дудочка моя,
Богаче Пюлеха я был,
Теперь беднее нищих я!

* * *

Эй, вы, трубокуры, голь,
У кого нет и на соль!
Я и сам такой сейчас -
Может, победнее вас.
Есть о чем и мне тужить,
Но давайте, братцы, жить.
До поры, пока кушак
Станет подметать большак.
А как станет подметать,
Можно снова жизнь начать!

* * *

Конек в оглоблях норовистый
С натугой путь одолевает,
А в голове сиротской быстро
Чреда тоскливых дум мелькает.

Ай-гай, как будто сквозь решета
Пушинки белые кружатся.
Одни печали да заботы
Сегодня на сердце ложатся.

Вокруг безлюдье, голо, сиро.

Звенит уныло колокольчик.
О переменчивости мира,
Мне кажется, сказать он хочет.

Ай-гай, ухабы жизнь отравят -
Конь много раз в пути застрянет,
И все ж назад никто не правит,
У каждого свой конь и сани.

У каждого свой колокольчик -
Звенит, дразня, путь коротает.
То горько плачет, то хохочет,
Пока навек не умолкает...

* * *

Все пой да пой, вы просите меня,
А ведь не настоящий мастер я.
Но коль спою то, что люблю я,
И мастерам не уступлю я.

Коль восемьдесят восемь есть стихов
И девяносто девять к ним ладов,
Но нету времени их слушать,
Не спеть ли те, что греют душу?

Ай, желтый стол у вас и чалый мед!..
А если песнь за сердце не возьмет,
Коль песню не найду такую,
Что скажете, когда уйду я?

Ковши резные подавались мне,
Меды хмельные наливались мне,
От яств стал крепкий стол ломиться,
Пусть все вернется к вам сторицей!

Так будем веселиться мы и петь,
Плясать давайте лихо и шуметь -
Никто два века в мире не жил,
Никто владыкой мира не был!

Сто семьдесят, слышь, лип свалил я
И белый дом себе срубил я,
И сорок, верь, локтей сукна
На лестницы в нем постелил я.
Перила лестниц тех обил я
Пятью локтями плиса, верь мне!
Чтобы албастам открывать
Приятно было гостю двери,
Пришлось в Казани заказать
К ним петли все из желтой меди,
Пришлось те петли прибивать
Гвоздями все из красной меди.
На ручки серебро пошло.
Чтоб было в горнице тепло
И чтоб Хертсурту угодить,
Мне дюжину печей сложить
Пришлось из кирпичей, поверь мне,
Чтоб солнцу угодить с луною,
Пробил сорок одно окно я,

Их ярким шелком занавесил,
Чтоб каждый гость доволен был,
Кукушек в клетки посадил.
Когда приходит самый близкий,
Те, крылья распахнув, кукуют;
Когда пожалует знакомый,
Мотая головой, кукуют;
Когда родные в дом заходят,
То дружно, как одна, кукуют;
Когда чужие навещают,
То с перебоями кукуют;
А если парни в дом заглянут,
Кукушки радостно кукуют,
А если девушки заедут,
Они взволнованно кукуют,
А если дети приезжают,
С задорным хохотом кукуют;
Коль прихвастнет хозяин дома,
Смолкают, как вот эта песня.

* * *

Нагрев светец, тускнеет уголек.
Но не беда, что этот свет потух.
Взгляните, как поголубел восток,
Послушайте, как голосит петух.

Эй, в кереге уютном, старики,
Понятно ль вам его «ки-ки-ри-ки»?
Кричит он, что за днем идет другой, -
Не день проходит так, а век людской!

Эй, тетки, все бы тары-бары вам...
Кричит он, что радивая сурбан,
Вскочив, уже успела повязать,
А вы вчерашних не успели снять!

Эй, бравый парень, посиделок друг,
Послушай-ка, о чем кричит петух:
Настал рассвет, домой пора, друзья,
Порочить имя девушки нельзя!

Девичник свой, красавица, покинь:
Ты слышишь, что доносят. петухи?
Буренка замычала: пить давай -
Скорее коромысло обнимай!

Эй, шустрые, кто на полатях спит!
О том петух горластый голосит,
Что тетушка вам печь блины спешит.
Вставайте: с пылу, с жару - хороши!

Радужные сердца - что мурава...
Как щебет ласточки, звучат слова.
Ковш круговой испил до дна я,
Как выпить посошок - не знаю...

* * *

Раньше сам за образец я слыл,
Кунью шапку раньше я носил,
Верх у шапки - чистого тарая,

Кисточкой серебряной форсил...
Раньше сам за образец я слыл,
Мой тулуп всегда распахнут был,
Кушаком был розовым он стянут,
Желтый лис от ветра грудь хранил...

Раньше сам за образец я слыл,
Из вигони варежки носил,
Сани - точно крылья, а рысак
Ветер бы и тот опередил...

Раньше сам за образец я слыл,
За сто верст к приятелям катил,
Был со старцем - старец, с юным - юн,
Речью бы любому угодил...

Раньше сам за образец я слыл,
Вмиг бы взглядом девушку сразил,
А мизинец полон был колец -
Лишь кивни, любую бы сманил...

Раньше сам за образец я слыл,
И в кисете счастье я носил;
Вспомнишь - то не жизнь была, а сон,
От него очнуться нету сил.

* * *

По лугу ручей, журча, бежит,
Лишь в глубоком омуте кружит.
В сердце тишина теперь, покой,

Лишь от злых наветов грудь щемит.

Дует ветер, дует все сильней,
Листья прочь уносит он с ветвей.
Ветер, волосы мои - не лист,
Лучше горе горькое развей.

Гуси с криком в воздухе снуют -
Иль внизу уж слишком илист пруд?
Ноет сердце и скорбит душа -
Иль меня одни печали ждут?

Сносное сулит ли жизнь житье,
Горести ль в запасе у нее?
Что б ни ждало, песню пой, Тилли, -
В песнях утешение твое!

* * *

Сыграть бы мне на скрипке, да боюсь:
По струнам огонек не побежит ли,
Натруженный смычок не задымит ли,
Мне бороду огонь не опалит ли?

Мне песню бы запеть, да боюсь:
Вдруг крылья мой напев не обретет ли,
И крылья те, взлетев, не распахнет ли,
Мне сердце этот взмах не разорвет ли?

Сплясать бы от души мне, да боюсь:

Чуваши вслед за мною ведь запляшут,
Не треснет ли тогда земля, как чаша,
Не станут ли все клясть тогда чувашей?

* * *

Коль на пчельник забрели,
То, наверно, невдали
Вы увидите, ребята,
Скоро лысину Тилли.

Что он делает? Играет,
Скрипку петь он заставляет.
Матка, голос скрипки слыша,
Далеко не улетает.

Успокоенный игрой,
Собрался на вязе рой.
Поспеши, Тилли, с лукошком
И ковшом его накрой.

Золотистая пчела
По щеке моей ползла,
А ужалить не решилась -
Жизнь и пчелка берегла.

Ах ты, труженик-малыш,
Ты за взятком, знать, спешишь,
А хозяина-то знаешь:
Слышу, ласково гудишь.

Что же сделает Тилли,
Если в гости вы пришли?
Крепкий сим Тилли нацедит,
Чтоб отведать вы могли.

Тем хвала, кто сок земной
Превращает в мед хмельной.
Слава, слава изобилью,
Солнцу с щедрою весной!

Гости, пейте на здоровье!
Подношу я вам с любовью.
Пусть и в будущем году
Пир такой же приготовлю!

* * *

Есть птица у меня ручная,
На волю выпустить мечтаю,
Да вот, когда открою клетку,
Как поведет себя, не знаю.

На чье плечо присядет птица?
Какой он песней насладится?
А если в час печали сядет,
Печаль той песней утолится?

Вот про меня твердили: хват -
Не тонет, не горит солдат,
В беде на миг не оробеет,

И нынче то же говорят.

А вот каков на самом деле?
Не стала борода куделью?
Мы, отхлебнув из чаши жизни,
От магысмы не захмелели?

Пока смышленных песни учат,
Пока не путаюсь в онучах,
Быть может, к праотцам, друзья,
Отправиться мне было б лучше?

Без кашля хорошо б свалиться,
Покуда трубочка дымится.
И, коль по правде, то пока
Язык мой острый шевелится.

Споткнуться может конь здоровый,
Но фыркнет и бежит он снова,
А вот у клячи, что споткнется,
Прочь отлетают все подковы.

Юрсты² постигнет неудача -
Встряхнется и споеет иначе,
А если кто поет без лада,
Мне вспоминается та кляча.

Погода - ад, дорога - жуть.
Все вехи скрыла вьюги муть,

Своей рябинового палкой
С трудом нащупываешь путь.

Мечта твоя летит вперед,
А счастье позади бредет.
Коль жребий выпавший обманет,
Никто другой раз не метнет.

Все переменчиво на свете,
Да вот о трех концах все плети.
Добро б один конец задел,
Увы, хлестнуть все разом метят!..

Царь на земле, на небе - бог.
Кто б сильному перечить смог?
Один Тилли поносит власти,
Что гнут людей в бараний рог.

* * *

Зашел я в караулку, в сени,
Где у начальников конторы,
Просил народ, встав на колени,
Чтоб снизили свои поборы.

А староста со старшиною
Сидят в избе при всех медалях.
Лежат и розги там горою,
И писарь чиркает в скрижалях.

Ай-гай, ни ржи нет, ни пшеницы.

В Макарьеве барыш не взял я,
И золото под половицей
Про черный день не закопал я.

И пол обмел я бородою,
И, обругавши для начала,
Всю спину мне ожгли лозою,
И дума в голову запала:

- Коль есть владыка мира правый,
Что ж слабо у владыки зренье?
И что же я, как червь безглавый,
Сношу безропотно глумленья?

* * *

Барышники, гляжу, коней сбывают.
Эх, серые, как шеи выгибают!
Как вспомню свою юность-аргамака,
Так в старом сердце слезы закипают.

Глашатаи в усердии великом,
Чтоб залежь сбыть, вращают шапки с криком.
Ах, молодость, ни за какую цену
Тебя не купишь: ты не мед, не лыко...

Вон мерят ситцы ловкие купчины,
В руках играют желтые аршины.
В любом аршине лишь четыре пяди,
Какой бы наугад ты ни прикинул.

Китаец фокусами увлекает:
Булатный нож при публике глотает.
А я устал от скоморошеств жизни,
И сердце отдохнуть уже мечтает.

* * *

Мои мечтанья с трубочным дымком
Растаяли, свернувшись завитком,
Надежды, потонув на дне ковша,
Заглохли, как зерно в песке сухом.

Не зря в народе присказка живет:
На бога понадейся - сук проткнет.
Поверив человеку, в грех впадешь.
Кому же верить? Вот ведь переплет!

Слуге поверь - останешься без глаза,
Жене - так потеряешь оба разом.
Верь псу: он руку лижет без обмана,
Вот что Тилли подсказывает разум.

Пойдем, Сарбай, безмолвный друг хорошей,
Давай с тобой побродим по пороше,
В лесу добудем тетерева, что ли.
У многих, друг мой, жизнь гораздо плоше!

* * *

Летит косяк гусей над большаком,
В пути непросто править косяком;
Кто выводки беспечные сберег,
В последний раз помчался вожаком.

На белый свет я появился голым,
Уйду в рубахе белой, тих, как голубь.
Тот свет мне, благочинный, не сули:
И этим-то я сыт, хоть мучит голод.

* * *

Из корня вишни сделал трубку я,
Чубук я смастерил из бересклета.
Курил в печали, в радости, друзья,
А жизнь моя прошла - за летом лето.

Из липы ковш узорный резал я,
Над ручкой прокорпел я до рассвета
И медом ковш наполнил по края,
А жизнь моя прошла - за летом лето.

Из клена скрипку долго делал я.
Как девушка, прекрасна скрипка эта.
Играл в печали, в радости, друзья,
А жизнь моя прошла - за летом лето.

* * *

И ты стареешь, мой Сарбай,
Как люди-человеки.
Совсем заглох твой звонкий лай,
И пожелтели веки.

Уже и слух твой ослабел...
Где силушка былая?
Бывало, пчельник весь гудел

От заливного лая.

Когда меня ты, друг, встречал,
То мчался издалече
И прямо в губы целовал,
И лапы клал на плечи...

Когда по всполью я шагал,
Бросался ты с проселка
И шутки ради в поле гнал
С лужайки перепелку.

Теперь ты тих, угрюм и прост,
И с позевотой длинной
Качаешь медленно свой хвост,
Как маятник старинный.

Порою доглядишь в глаза
Пытливо, человечно,
Как будто хочешь мне сказать
По-дружески ты нечто.

А может, думаешь: «Беда!
Старик, как на пирушку,
Пойдет на зайцев и тогда,
Когда не видит мушку...»

Сарбай, жизнь - словно след от лыж.
Нам охать не пристало,

И мы обочинкой, глядишь,
Пройдем с тобой немало.

А там, по тракту, тарахтят
Обозы, мчатся тройки,
И господа в бобрах пыхтят,
Как поп после попойки.

А мы при виде ездовых
И шапку не ломаем:
Следы от лыж и от возков
Заметет вьюга - знаем!

А вьюга - это наша смерть...
Знай, рано или поздно
Над нами злая круговерть,
Сарбай, промчится грозно.

А мы пока по мере сил
Зайчишек все тревожим.
Где встретить вьюгу рок судил,
Того мы знать не можем.

С тобой, Сарбай, мы как лыжня -
Два следа неразлучных.
Я без тебя, ты без меня -
Подумать даже скучно.

Коль раньше ты помрешь, тогда
Из шкуры, я не скрою,
Уртмах сошью, чтобы всегда
Носить его с собою.

Коль во хмелю скончаюсь я
Там, в поле, на ночь глядя,
То на ошейник твой друзья
Мой перстенок приладят.

С ним вслед зайчишке ты скачи,
Загонишь, так для вида
Повой призывно, порычи -
То будет панихида.

* * *

Зеркальце имел я небольшое -
Ясное да круглое такое,
Поутру в него смотрелся я,
Ввечеру в него гляделся я,
Да и не заметил, мой ровесник:
Все лицо, что рдело, как гранат,
Серые ряды морщин рябят,

Медный гребень с головой коня
Был на ремешочке у меня,
Поутру расчесывался я,
Ввечеру причесывался я,
Да и не заметил, мой ровесник:
Надо лбом, где словно рос горох,

Стало голо, словно чистый ток.

Два насеста белых кур имел я,
Тридцать две - и все, как кипень, белы.
Я зубами поднимал до пуда,
Перекусывал витые путы,
Да и не заметил, мой ровесник,
Как мои насесты опустели,
Как с насестов куры те слетели.

Не боялся никогда я сглазу,
Враг мой взгляд не выдержал ни разу,
Погляжу - и дуб зачахнет сразу.
Различал коня я за пять верст,
Днем на небе видел россыпь звезд,
Как умру, зря пропадут глаза.
Даже жаль с такими помирать,
Но кому глаза мне завещать?

* * *

Секрет бессмертия мне не был дан.
Ни Киреметь, ни Пюлех, ни Харбан
На помощь нам прийти, увы, не могут.
Ну, как им мочь, когда они - туман?

Я жертвы приносил, постился я,
Чтоб грош сберечь, я не жалел рубля,
А меж иконой и простой доскою
Различия так и не вижу я.

Я видел солнце, блеск ночных светил,
Богатым был я и с сумой ходил,
Но кто же мне на склоне дней моих
Сомнение это в душу заронил?

Богаче ли стал мир со мной? Едва ли.
Бедней ли будет, коль уйду? Едва ли.
Так для чего же рос я, гриб земной?
Чтоб снова в ту же землю закопали?

* * *

Кудесники мне жизни не продлят.
Так где же чудеса в подлунном мире?
Ни слово мага, ни волшебный яд
Не смогут сердце старца сделать шире.

Пускай попы пекутся о просфорах,
Мне все равно два века не прожить.
Мулла, перебирая четки споро,
Не свяжет дней оборванную нить.

Возьму-ка лучше скрипку и смычок,
Развею грусть хотя бы на часок.

Седого старца в парня превращу
И бабушку девкой в танце закручу.

Пусть парни скачут в пляске, как песты,
Пусть щеки девок вспыхнут, как цветы.

Пока я жив, соседушки мои,
Забудьте-ка про бедушки свои.

А то, боюсь, как справлю новоселье,
Совсем заглохнет в Сиктерме веселье...

* * *

Когда навек глаза закрою,
Не лейте слез, друзья, родня.
Не плачьте, люди, надо мною,
В сырую землю хороня.

О дети, мы живем лишь раз,
И честь всего одна у нас.
Пусть на нее не сядет пыль -
Пегиль!

Сородичи, единый корень
Взрастил нас - колос, полный зерен.
Путь вековой, мой род, осиль -
Пегиль!

Соседи, дружба грела нас,
Мой голос в памяти у вас,
Запеть заставили не вы ль?
Пегиль!

О земляки, по всем приметам
Мы только гости в мире этом,
Не в миг поймешь, где сон, где быль -

Пегиль!

Земля родная, не томи,
Ты жизнь дала, ты и возьми,
Прими меня под свой ковыль -
Пегиль!

* * *

Для гроба дуб я распилил на доски,
Чтобы живым не доставлять забот.
Пазы и щели залил желтым воском:
Весной вода вовнутрь не попадет.

И каждый день с тех пор зимой и летом
Смотрю я на приют предвечный свой.
Хочу проститься раньше с белым светом,
Чем сам он распрощается со мной.

* * *

Родился я, сжав пальцы в кулаки,
Как будто говоря: «Мой этот свет».
Умру, так обе разожму руки -
В моих горстях богатств не будет, нет.

Пятак в могилу бросьте, как ведется,
Чтоб под землей мог свет увидеть я,
Пусть у могилы песня раздается,
Пусть с плясками расходятся друзья.

* * *

Природа — я все больше в это верю—
Смеется над тобою, человек.

Единый раз лишь распахнутся двери
И, хлопнув, закрываются навек.

Откуда мы являемся? Кто знает!
Куда идем, покинув белый свет?
В песках сыпучих ветер замедляет,
С земли дожди смывают легкий след...

А сколько разнонаправленных, разнолицых
Протопало по тем путям людей!
И все же я на вспаханной землице
Хочу оставить след своих лаптей.

«Тилли загадку загадал нам, что ли?» -
Могли б спросить ровесники-друзья.
Что лапти! Я хотел бы, чтоб на воле
Осталась песнь любимая моя!

* * *

Меркнет взор. Пришел мой час последний.
Я прошу утешиться, кто плачет.
Есть у жизни гаснущей наследник,
Не пустеет белый свет наш, значит,
Меркнет взор. Пришел мой час последний.

Я прошу утешиться, кто плачет.
Соль от слез испортит даром зренье.
Мы ведь рядом с теми, кто судачит
О кончине нашей, о рожденье...
Я прошу утешиться, кто плачет.

Есть у жизни гаснущей наследник,
И к чете всегда приходит нечет.
Всех грачей весною спрячет ельник,
А в отлет полнеба крылья мечет.
Есть у жизни гаснущей наследник.

Не пустеет белый свет наш, значит.
Вот меня и внуки окружают.
Жаль бездетных: ведь у них иначе -
Им глаза чужие закрывают...
Не пустеет белый свет наш, значит.

Меркнет взор. Пришел мой час последний.
Разом все сбываются мечтанья.
Что искал - обрел; желанья - бредни:
В горсть земли вмещаются желанья.
Меркнет взор, пришел мой час последний.

* * *

Хертсурт, избы хранитель нашей,
Тебе варю я полбяную кашу.
За то, что будет сытной, сладкой,
Огню погаснуть не давай,
А ночью ты не шарь по лавкам,
Мою старуху не замай!

* * *

У кладбища конь мой встал,
Головою замотал.
Рядом шафера гнедой

Громко ржет, бренчит уздой.

С бубенцами тонок, чист
Слился тихий звон монист.
С брочки я невесту снял
И тихонько опустил
На колена у могил,
Чтобы род благословил.

- Дорогой мой, славный дед,
Ты совсем недавно, дед,
В гороностаевом камзоле
Спел, сплясал и выпил вволю
Там, на свадьбе на чужой.
Отчего ж до свадьбы внука
Не ждала печаль-разлука?
Что ж до времени, до срока
Избу без дверей, без окон
Ты купил себе, родной?

Бабка славная моя,
Бабка добрая моя!
Ты на свадьбе на чужой
Показала свой сурбан,
Белый, как густой туман.
Там в хушпу из серебра,
Словно солнышка сестра,
Ты сверкала, а ко мне
Не пришла ты, азанне.

В гроб легла ты, азанне.

Дед мой, добрый, славный дед.

Бабка милая моя!

Жил я с вами много лет.

Стал почти что мужем я...

Для чего же в мир иной

Вы ушли от нас четой?

Плача, на могильный холм

Полный ковш я меда лью,

Вас благословить меня,

Голову склоня, молю.

* * *

Ку-ку! Ку-ку! Звучит в лесу,

В ладоши бьет дубок-плясун.

Черемуха - невестою,

Березоньки - подружками,

А клен зеленый - дружкою...

Ку-ку! Ку-ку! Идет Тилли,

Собак своих ведет Тилли.

Борзая - та стрелой летит,

Легавая - в кустах трусит,

А лайка - «гав-гав-гав!» - звенит.

Кукушка, правду ты скажи:

Мне сколько лет осталось жить

И сколько зайцев загублю,

Волков я сколько затравлю,

Медведей сколько заколю?

Ку-ку! Ку-ку! Звучит в ответ.

Год. Два. Ох, много, много лет.

Мне это по душе, мой свет.

Хочу глядеть на белый свет,

Его оставить мочи нет!

* * *

Надеясь, что кораллы есть на дне,

Я чуть не захлебнулся в глубине,

Но не было на дне коралла -

Течение только тину гнало.

Лишь добрым будь, как солнце по весне,

Придет к тебе почет, казалось мне,

Почета нет и не бывало -

Навек нужда ко мне пристала.

* * *

У света суть четыре стороны,

На скрипочке четыре же струны.

Вас тоже четверо, мои сыны,

Что мне сказать вам?

Что вам завещать?

Наперстком пьешь - и то недостает,

Пьешь братиной - и то в достатке мед.

Что лучше, коль живет в согласье род?

Ну, старший сын, как будешь отвечать?

Что голову в сомнении склонил,
Второй мой сын? Есть два конца у вил,
Но сноп один ты, глядь, на них навил.
Сам вдумайся, как это понимать.

Ты ль, третий сын, подносишь ковш старинный
В смущенье мне? Ты стал уже мужчиной...
Хоть средний палец самый длинный,
Все ж трудно одному, ты должен знать...

А кто поцеловал меня с душой?
Не сын ли несмышленный мой меньшей,
В семействе нашем баловень большой?
На нем пусть будет неба благодать!

* * *

Скажите мне, скажите,
Небес прекрасных полотно -
Вот эта синева в зените Что?
Середина или дно? Скажите мне, скажите.

А солнце пламенное это -
Из нитей золотых клубок,
Кто покатыл по белу свету?
Кто этакое сделать смог?
Скажите мне, скажите.

Великая какая сила
Луну, как лысину мою,
И звезды неба округлила

И нашу землю сотворила?

Скажите мне, скажите.

* * *

Забрезжил свет предутренний в окне.

Проворен гребень старой азанне¹,

Повязывает ловко после сна

Сурбаном белым голову она.

На стеклах окон отсветы огня.

Трещат дрова, доходит до меня

Звук материнских медленных шагов

И запах подрумяненных блинов.

Скрипит калитка. Кто это такой?

Ах, старшая сестра спешит домой.

От хоровода прямо в хлев, видать, -

Корову подоить и в стадо гнать.

Потом невестка открывает клеть

И начинает ведрами греметь.

Ее забота - наш пивной котел,

Уже срок варки пива подошел.

Над клетью яркий луч сверкнул в хмелю,

А я лежу себе, как будто сплю.

Невестка на лицо мне ловко вдруг

Передник свой накинула: от мух.

Мне хорошо - так век бы пролежал...

Подросток, вдруг мужчиною я стал.
Мой мир - мой дом,
 в котором жизнь кипит.
Одна лишь младшая сестренка спит...

* * *

Лебедушкой милая была.
Невинную зачем земля взяла?
Наверно, стало ее тело
Теперь добычей земляных червей,
И трясогузка свить успела
Гнездо в шелку ее кудрей...

Ах, милая, тебя я не хулил,
Как амулет, я честь твою хранил,
И мне не верится доселе,
Что взор твой для меня уж не сверкнет,
Что ты живешь в саду Эсреля,
Который в жены девушек берет.

Пусть буря небывалая взревет,
Пусть черный смерч над кладбищем пройдет,
Пусть темной ночью он мазара²,
Из глины вырыв, унесет с собой,
Разрушит пусть одним ударом
И свежий холмик с липовой юбой³.

Змеею стань и приползи, мой друг,
Стань ласточкой и прилети, мой друг.
Сядь на наличник и послушай

Напев печальный, безутешный мой,
Пылающую мою душу
Накрой своим крылом и успокой.

* * *

Ай-гай! Напев есть сердцу милый,
Да грудь печаль-тоска стеснила.
Лишь хмель один
Сильней кручин.
Тилли, проверь-ка хмеля силу!

* * *

На небольшой поляночке сухой
Я разложу костер на час-другой.

Лежи, Сарбай, и сторожи уртмах¹,
Я позабочусь, друг мой, о дровах.

Чтоб пала не было, я дерн сниму,
И два кола над ямкой подниму,

И маленький, как шляпная тулья,
Свой котелок над ней повешу я.

В нем чай вскипит из липовых цветов...
Но дело есть, пока он не готов.

Уртмах собою кряква заняла -
С нее оципдем перья догола,

И, опалив над пляшущим огнем,

В лопух мы птичью тушку завернем.

Да не забудем мясо посолить
И в огненные угли положить...

Дичь осенью особенно жирна,
А ножка подрумянилась, вкусна...

Бросаю в воду голову: зато
Их к будущему году будет сто...

Сарбай костями вкусными хрустит.
Он нагулял сегодня аппетит.

Я живу в России

С винтовкой русской боевой
Я был в краях чужих, далеких.
И днем и ночью - в час любой -
Я чувствовал свой долг высокий.
Чем дальше от родных полей,
Тем с большей повторял я силой,
Как голос совести моей,
Как песню: я живу в России!

Чужую пыль на сапогах
Трава росистая отерла.
Над победителем врага
Родное небо распростерлось.

Чувашский ласковый язык,
Сказанья наши золотые,
Народной мудрости родник -
Все это сберегла Россия!

Я синью глаз не наделен,
Не славянин я крутоплечий,
И волосы мои не лен,
И сердцем я чуваш и речью.
Но я солдатом русским был,
Так звали все меня народы.
Навек я с детства полюбил
Россию - родину Свободы!

Побратимство

Никогда не позабуду,
Как я летом, в сорок пятом,
Средь ликующего люда
По Москве шагал солдатом.

Да, солдатом: это слово
Знаменитое, которым
Звались все - от рядового
И до маршала в ту пору...

Шел в Москве я. Задержало
Лишь одно меня в столице:

Я хотел хоть каплей малой
В торжество Победы влиться.

Я из госпиталя ехал
В полевых еще погонах...
Шел и слышал взрывы смеха,
Звон тальяночек походных.

Слезы радости я видел
И читал в глазах солдаток,
В нескрываемой обиде,
Что удел вдовы не сладок.

Управляя костылями
И в толпе шагая дальше,
Вдруг заметил я, как сами
Отдают мне честь, кто старше.

Это кровное единство
Рангов, званий и большое
В горе, в счастье побратимство -
Было Родины душою.

Радость, гнев, надежда, ярость -
Все прошло сквозь сердце сразу.
Сердце словно разрывалось,
И бессилён был тут разом.

Нес меня поток народа,

Что все шире становился....
И за все четыре года
В первый раз я прослезился.

Были мы, и есть, и будем!

Век за веком, вдаль шагнувшем,
Тащит мудрости багаж.
Ищут книжники в минувшем
Древний, трудный путь чуваш.
Смотрим пристально вперед
И о прошлом нашем судим.
Мысль мне силы придает:
Были мы, и есть, и будем!

Человечество поэты
С лесом сравнивали - что ж!
Лес разнообразен этот,
Оттого он и хорош. Д
умали о нас враги:
«Выкорчем, свалим, срубим!»
Только руки коротки:
Были мы, и есть, и будем!

Неприятни не питали
Мы к соседям в старину,
Но по-своему назвали
Солнце, звезды и луну.

Ясен, словно свет в ночи,
Ум, присущий нашим людям.
И сердцами горячи,
Были мы, и есть, и будем!

Сей, выносливое слово,
В душах гордость - но не спесь!
Сквозь века пройти дано вам,
Чудо-вышивка и песнь!
С этой верой на земле
Самый долгий путь не труден.
В вере сила - как в крыле...

Были мы, и есть, и будем!
«Бедноват язык наш», - бросит,
Сморщив нос, иной чуваш.
Пусть презренье наше сносит
Верхогляд за эту блажь.
Жалок нищий дух таких.
Что ж тогда волнует грудь им?
Пусть сердца прожжет им стих:
Были мы, и есть, и будем!

На большом пути преграды
Одолев в труде, в борьбе,
Сам себе народ награда,
Сам и памятник себе.
Помня время бед и слез,
С клятвой землю поцелуем:

В зной, и в слякоть, и в мороз
Были мы, и есть, и будем!

Шубашкар

Что-то древнее есть в этом слове:
Шубашкар - кар шубаш - град чуваш...
Мне вскрывать слов значенья не внове,
Как язык ни запрятал их наш.

Шубашкар. Мне тепло с ним, как дома,
Каждый слог - обжитой уголок.
Да и может ли быть по-другому,
Если здесь наш родной огонек?

Шубашкар. В нем не звон и не щебет,
И не взрыв слышу я, не удар -
Словно кто-то заветное шепчет
Доверительно мне: Шу-баш-кар...

И не надо нам громкими быть,
Чтоб друг друга понять и любить.

Шинель

Пробитая осколком, пулей
И опаленная костром,
Безмолвно, будто в карауле,

Висит она под потолком.

А сколько скрыто в том безмолвье
Походов дальних и тревог!
Дай бог, как говорят, здоровья
Тому, кто все снести бы смог...

Шинель! Периной и подушкой,
И одеялом ты была,
И саваном под вздохи пушек,
И гробом в ночь земли плыла.

Грустя об этом не впервые,
Всегда я помню об одном:
Твоим защищена Россия
Суровым воинским сукном.

Шинель! Твою я верность знаю:
Меня ты плотно облекла,
Чтоб возвратить родному краю, -
Крепка, надежна и тепла.

Нам памятны с тобой морозы,
Пылающая степь, река
И переправа под угрозой
Пойти на дно наверняка.

Шинель! Мы чудом уцелели,
Мы живы потому, что нас

Другие - многие - шинели
Собой прикрыли в страшный час.

Идя нелегкою дорогой,
Забуть о них, о павших, мне ль?
Смотрю я на тебя с тревогой,
Моя солдатская шинель!

Здравствуй, Пушкин!

...К нам навстречу плыла виселица, утвержденная
на плоту, - три тела висели на перекладине...
Полная луна озаряла обезображенные
лица несчастных. Один из них был старый чуваш.

А. Пушкин.

1

В тот год на нас впервые это слово
Нахлынуло, как Волги вешней вал:
По селам края моего родного
С «Онегиным» тогда я разъезжал.

...Еще в осенних кочках первопуток.
Бежит поземка, запахнув азиям:
То под такси сворачивает круто,
То мелким бесом кружит там и сям.

Колдует, дразнит, всюду поспевая,
К стеклу с разбега прилипает вдруг.
А ветер чью-то песню допевает
И колокольчика доносит звук.

Там где-то, по сугробам темной жизни,
Кибитка одинокая летит.
Седок печальный - пленником в отчизне,
И нет конца колдобинам пути.

Один, один... Покажется и сбруя
Жандармским аксельбантом на коне.
Берез верхушки, небо полосая,
Свистят, как розги, в звонкой вышине.

На звезды он уставился с тоскою:
Раскинулся в безбрежье Млечный Путь...
Да, счастья нет! Но воли, но покоя...
Попробуй вслух хоть раз о них вздохнуть!

Булгарин, царь, тупая чернь в ливрее...
Сверкнул белками он, сжав крепко рот.
Медвежья шуба греет и не греет,
На бакенбардах - инея налет.

Все тот же колокольчик однозвучный,
Щемящие напевы ямщика.
Полозьев скрип да фырк коней докучный,
Да версты полосатые... Тоска!

2

Трехдневный месяц рыбкой золотою
Ныряет в редких тучах над леском:
То вдруг блеснет, как в сказке, головою,

То вдруг обиженно плеснет хвостом.

А где возок? Мой удивлен водитель.
Я с ним сам — друг. И больше никого?
Нет: с нами третий, не набором литер -
Живым и близким чувствую его.

Теснее, Пушкин! Мягкое сиденье
Удобно ли? Тепло ль тебе, поэт?
Позволь поведать о любви, что бденье
И сон мой заполняла много лет.

Давно все это было... Я к забавам
Был равнодушен, на слова был скуп...
Ко мне впервые отроком курчавым
Вошел ты сквозь лучинную тоску.

Осенними ночами долго, молча,
Облокотясь, сидели мы в тиши.
Я чувствовал, как с болью в эти ночи
Прорезывались крылья у души.

В твоих кудрях, как повилика, цепких,
В глазах, тревожно устремленных вдаль,
В губах - еще надутых, полудетских -
Иная открывалась мне печаль.

И раздвигалась тесная каморка:
Дождь, странником стучащий за стеной,

Подкидыш-ветер, плачущий так горько,-
Все обрело смысл иной...

3

Прошли года. И нету больше детства.
Зари туман развеян голубой.
Я вдруг прозрел. Отдернулась завеса:
Огромный мир предстал передо мной.

Я шел с открытою душой поэта,
Не склонный угождать слепой судьбе,
И бремя нес вопросов без ответа,
Как подмастерье мастеру, тебе.

Я понял: жизнь не праздник - не пристало
Беспечной песней каждый день встречать.
И в поэтический бокал немало
Пришлось воды мне трезвой подмешать.

Долг рос. Не выплатил народу дань я.
Не дело возвращаться с полпути.
Опять сомнения. Опять исканья.
Опять к тебе в учение идти.

И вот я толмачом твоим. Татьяна
Смутила музу скромную мою.
Молчала муза и, ревнуя рьяно,
Косилась, низко опустив тухью.

Но, любознательная по природе,
Она вникала чутко в разговор -
И «полурусской» прослыла в народе
Подруга черноокая с тех пор.

Что ж! Пусть во мне потоков двух слиянье
Вскипает благотворною волной.
Не гордый внук славян, но - россиянин -
Хочу я русский знать, как свой родной...

Да, долго я беседовал с тобою
И, в каждом звуке точный смысл ища,
Хотел добыть его ценой любовью,
Но до чего сума моя нища!

Благодарю тебя за муки слова.
Какая страсть овладевала мной,
Когда я добирался до родного
В иных созвучиях души иной!

О, миг неповторимый просветленья,
Когда, волнуясь, радуясь, скорбя,
Я пионером в дебрях вдохновенья,
Я словотворцем чувствовал себя!

4

Дороги наши - точно ямб проворный,
Летит наш огнеглазый аргамак.
Снега, снега... и вдруг - на белом черный -

Кондовый лес открылся на холмах.

Стоят дубы, что знали Пугачева,
Что в памяти клич Разина хранят;
Стоят, шумят по-зимнему сурово,
Но о весне привольной говорят.

Ты видел их: разросшись в три обхвата,
Вознесся над кряжами старожил.
Переживет меня он, как когда-то
Тебя и бурный век твой пережил.

Но нам ли быть в рабах у жизни тленной,
Зависящей от фазы звезд и лун?
И ты, как вызов правилам вселенной,
Бушуешь всенародно, вечно юн.

Лети, машина, будоража сердце,
Врезайся с ходу в светлые века!
Но здесь... позволим мы откинуть дверцу:
Нас ждет очаг - передохнем слегка...

Смотри: нет больше перекатной голи,
И каждый новый шаг осмыслен наш.
По Волге плыл, качаясь под глаголем,
В крови тонул, но выжил - жив чуваш.

С широким сердцем он тебя сегодня
Встречает как родного у ворот.

Любовь народа - Волги полноводней.
Войди, о гость, и проходи вперед.

За стол, поэт: стихам не жить без хлеба.
Нальем: да не остынет дружбы жар.
До дна! А если мало - звезды с неба
Мы зачерпнем литым ковшом Стожар.

Родной язык

В век радио и атомных открытий
Хотел бы я дожить до дней, когда
И языков связующие нити
Сплотят в одну семью людей труда.

Хотел бы я, чтоб речи доходили
Мыслителей, поэтов и вождей
В их первозданной красоте и силе,
Как свет лучей, шум ветра и дождей.
А что меня с землей, с травой зеленой,
С высоким небом, с клекотом орла
Знакомило, баюкая, с пеленок? -
Родная речь наставницей была.

Всегда, везде - в кругу привычном дома
Иль далеко от наших рубежей -
Я благодарен языку родному:
Он мне открыл мир мыслей и вещей.

* * *

Пока чиновники нестройным хором
Твердили тупо, мол, чуваш - не наш,
Пока носились где-то с приговором:
«Язык мы дикий уничтожим ваш!» -
Ученый русский встал живым укором
Злой силе и, спесивый сбив кураж,
Открыл Тезаврус Лингве Чувашорум -
Сокровищницу, что сберег чуваш
Так назван им словарь наш по-латыни,
Плод честного усердия, подвиг жизни,
Что стал настольной книгой нам отныне
В великой и навек родной отчизне.
Так сын России, жаждущий свободы,
Нас разглядел во тьме тюрьмы народов.

Константину Иванову

1

Ты - первая любовь моя
И первый жаркий трепет сердца.
С тобой поверил в слово я,
Ты стал наставником мне с детства.

Ты - дружбы доброе вино:
Тост поднят - и до дна, не так ли?
А выпив, вновь гляжу на дно,
Последние смакуя капли.

Ты - зеркало моей души,
Смотрю и говорю себе я:

Минутной славой не дыши,
Всю жизнь - избраннице-идее!

Спроси себя: и впрямь ли ты
Имеешь что поведать миру?
Коль так, взнуздай коня мечты,

Берись уверенней за лиру.

Но если людям песнь твоя -
Вчерашний день, скажи спокойно:
Вы пойте, сверстники, друзья,
А я - ваш слушатель достойный.

2

Ты - первая любовь моя,
И в дни великого похода
В пробитой пулей сумке я
Твой стих пронес как честь народа.

Бойцам читал я про Нарспи
У волжской сказочной твердыни,
В донецкой выжженной степи,
Под Брянском, в Сандомире, Гдыне...

Мне шумный памятен привал.
Грузин воскликнул: «Руставели!»
Бакинец Низами назвал,
Украинцы Шевченко спели.

Узбек кричал: «Наш Навои!»
«Наш Пушкин!»- прогремело всюду.
Все знали - впереди бои,
За все они в ответе будут.

Как горд я был, когда чуваш
Прислушался к родному слову,
Поправил молча патронташ
И вдруг сказал: «За Иванова!»

3

С простой фамилией мильонов
Народа-труженика сын,
Ты встал над Волгой обновленной,
Навеки юный Константин!

Ты, следуя за Горьким твердо,
В глухие, мрачные года
Прославил Человека гордо
И торжество его труда.

Не знавшие тебя, влюбленно
Читавшие из года в год,
Мы видим взгляд твой удивленный,
Бровей трепещущих разлет.

Да, все достойно удивленья,
Все радует и слух и взор.

Не плачет по глухим селеньям
Невест чувашских грустный хор.

Батрацкой долей удрученный,
Не стонет в горе твой Сетнер:
Он - мастер поля, врач, ученый,
Артист, художник, инженер....

Все двери нам открыты настежь
Во все края, во все концы.
Мы - радости земной и счастья,
Мы - новой истины творцы.

О юноша с душой крылатой,
Кудесник слова, чародей!
Ты был нам музыкой и клятвой,
Надеждой, лаской с детских дней.

Ты был и есть, и будешь снова
Залогом силы, красоты,
Богатства языка родного,
Его высокой простоты.

Так стой же славою народа,
В сердцах и памяти живи,
Глашатай правды и свободы,
И человеческой любви!